

М.А. Янес

**К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ
НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ
АРАБСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УЗБЕКИСТАНА
(РЕЗУЛЬТАТ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
АНКЕТИРОВАНИЯ)**

На протяжении уже более чем столетия проблемы этноса и этнического самосознания, этнической самоидентификации личности и группы людей привлекают внимание ученых самых различных областей науки: философов, социологов, антропологов и, конечно, этнографов. Это одна из важнейших проблем, один из главных предметов исследования для этнологии. В разные периоды развития науки природа и характер национального самосознания, его роль и значение в этнических процессах расценивались по-разному.

В 1923 г. С.М. Широкогоров определил этнос как «группу людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традиций и отличаемых ею от таковых других групп. Это и есть этническая единица — объект науки этнографии» [Широкогоров 1923: 13]. В 1947 г. Нейдель опубликовал работу, где высказывал идею о том, что «в ситуациях этнолингвистической мозаики, взаимопроникновения или непрерывной изменчивости культуры наименее двусмысленным, а иногда и единственным фактором в определении того, где кончается одна общность (entity) и начинается другая, являются самоидентификация и этнический ярлык» (цит. по: [Александренков 1996: 21]).

Самоидентификация же неразрывно связана с самосознанием, и в середине XX столетия многие ученые обратили внимание на термин «этническое самосознание» (см., напр.: [Кушнер 1951, Токарев 1964]). По определению В.И. Козлова, под этническим (национальным — применительно к развитым народам) самосознанием понимается главным образом сознание принадлежности к определенному народу [Козлов

1974: 79]. В 1964 г. Н.Н. Чебоксаров в своем докладе «Проблемы происхождения древних и современных народов» включил этническое самосознание в число признаков этноса [Джарылгасинова 1987: 11].

В 1983 г. Ю.В. Бромлей предложил более широкое определение: «Этнос может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» [Бромлей 1983: 57–58]. Как видим, термин «самосознание» занял свое место в списке признаков этноса.

На основе анализа данных, относящихся к различным выбранным эквивалентам этнических общностей («нации», «национальности», «народности», «племена»), Ю.В. Бромлей сформулировал вывод о том, что «среди свойств, присущих людям, для этнического размежевания, как правило, особенно существенное значение имеют характерные черты культуры в самом широком смысле этого слова. Именно в сфере трактуемой таким образом культуры обычно и сосредоточены все основные отличительные особенности народов-этносов» [Там же: 54].

Подробные историографические обзоры и анализ понятийно-терминологических аспектов проблематики представлены в работах Ю.В. Бромлея [1983], В.И. Козлова [1974] и других известных ученых. Научные дискуссии на эту тему продолжаются. В.А. Тишков предлагает определение этнической группы «как общности на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях» [Тишков 1997: 62]. Л.М. Дробижева определяет национальное самосознание личности как «осознание субъектом совокупности своих национальных (этнических) связей и своего отношения к ним. Оно является составным элементом, частью структуры самосознания личности в целом» [Дробижева 1985: 3].

Национальное самосознание имеет сложное строение, состоящее из многих элементов, в числе которых, безусловно, национальная идентификация, представления об общем историческом прошлом народа, материальных и культурных ценностях, язык и религия. В некоторых определениях язык и религия в списке компонентов стоят на первом месте.

Механизмы функционирования и базовые ценности этнического самосознания можно выявлять, изучая современное состояние этнического самосознания малых этнических групп, издавна проживающих в иноэтничном окружении. Примером подобной общности являются

арабы Узбекистана. Данная этническая группа проживает на территории Мавераннахра в иноэтничном окружении более 1000 лет, сохраняя характерные особенности самобытной культуры в условиях общности религии, взаимовлияния и взаимопроникновения культур и даже административного и идеологического давления государства.

Среди представителей этой общности было проведено исследование по этносоциологической методике и опроснику «Самооценка этносом перспективности форм традиционной культуры», разработанными сотрудниками РЭМ Д.А.Барановым, В.А. Дмитриевым, Л.Ф. Поповой, И.В. Стасевич и Ж.К. Чистяковой. Их работа проводилась в рамках семинара Российского этнографического музея, сформированного для выработки концепции отражения национального самосознания в музейно-экспозиционной практике [Баранов и др. 1998: 18]. Опросник базировался на опыте применения этносоциологических методик в различных регионах России и бывшего СССР [Там же: 18–19]. По нему были проведены полевые исследования среди русских Вологодской и Саратовской областей, черноморских адыгов и казахов Южного и Восточного Казахстана.

Музей антропологии и этнографии РАН на протяжении трех полевых сезонов направляет своих сотрудников в Узбекистан для сбора материалов по культуре и быту среднеазиатских арабов. В рамках продолжения исследования, предпринятого сотрудниками Российского этнографического музея, в процессе подготовки к летнему выезду 2007 г. было принято решение провести аналогичное исследование в кишлаке Джейнау Кашкадарьинской области, воспользовавшись разработанной ими анкетой [Баранов и др. 1998: 115–126] (с любезного разрешения авторов опросника).

Кишлак Джейнау многонационален. По данным сельсовета, в нем проживают люди более чем шести национальностей: узбеки, таджики, арабы, татары и др. Большая часть населения кишлака идентифицирует себя как арабы. Данная этническая группа, проживая уже на протяжении длительного времени (как минимум 500 лет) в иноэтничной среде, до настоящего времени сохраняет яркие признаки и множество менее заметных с первого взгляда особенностей культуры. Проведение опроса именно в данном населенном пункте представляет несомненный интерес для современных этнографов, так как собранные материалы позволяют увидеть, как сохраняется и воспроизводится в культуре база национального самосознания, его отдельно взятые элементы.

В процессе проведения полевых исследований в мае 2007 г. была предпринята попытка выявить особенности и устойчивые этнические маркеры в материальной и социальной культурах арабского населения

кишлака Джейнау, не затрагивая область межнациональных отношений. Следует отметить, что на территории Узбекистана имеются и другие места компактного проживания арабов, и данное исследование является лишь первым шагом в изучении национального самосознания и национальной самоидентификации данного этноса.

В настоящее время можно с уверенностью сказать о двух этапах переселения арабов в данный регион. Первый — в VII–VIII вв., когда арабы-завоеватели принесли в Среднюю Азию ислам. Второй — в 1513 г., когда узбекские султаны, занявшие перед тем Северный Хорасан и Балх, вынуждены были очищать захваченные области. Султан Убайд Аллах переселил в Бухару жителей Мерва, а Джанибек-султан через Аму-Дарью в свой удел — жителей Балха, Шибиргана и Анджоя, района в Северном Афганистане, где жили арабы [Резван 2004: 51].

Однако можно говорить и о кратковременном третьем этапе переселения арабов в Среднюю Азию. В 1932 г. в Таджикистане работала Таджикско-Памирская комплексная экспедиция. Двум участникам отряда по изучению населения, И.Н. Винникову и А.Н. Кондоурову, повезло встретиться с немногочисленной группой арабов [Прищепова 2000: 203]. В полевых дневниках А.Н. Кондаурова имеется запись о том, что «в период басмачества и гражданской войны в южных районах арабы из Курган-Тюбе ушли в Афганистан и вернулись из Афганистана уже после укрепления советской власти в районах в Саратов-Комарский район» [Кондауров 1932: 59]. Вполне возможно, что во времена становления советской власти и некоторые семьи рассматриваемого кишлака временно уходили на территорию близлежащего Афганистана. В Российском этнографическом музее хранится тюрбетейка (*калапуш*, колл. № 10370–5), украшенная золотным шитьем. В описи Б.З. Гамбург, который привез данную коллекцию из Джейнау, пишет об этом предмете: «Привезена из северного Афганистана (район Анджоя) в подарок жениху Баратову Шадманбаю к свадьбе в 1930 году». Это лишний раз подтверждает связи рассматриваемой нами группы арабов с северным Афганистаном.

А.А. Семенов предполагал, что значительная часть среднеазиатских арабов является потомками высшего слоя завоевателей, воинов, ремесленников: «В начале VIII в. арабские наместники халифов, жившие обычно в Мерве и часто сменявшиеся, пользовались своим коротким пребыванием у власти для всякого рода стяжаний, среди коих первое место занимало приобретение земель, остававшихся потом во владении их потомков. Таким образом создавалась новая земледельческая аристократия в завоеванной стране, а вместе с этим из пределов Аравии

шло и переселенческое движение арабов» [Семенов 1924: 6]. Вследствие этого со времени арабского завоевания Средней Азии к XIII в. «появилась новая народность, до того в Туркестане неизвестная, — арабы, долго сохранявшие привилегированное положение» [Там же: 8].

И.Н. Винников в своей статье «Арабы в СССР» приводит таблицу расселения и численности среднеазиатских арабов, составленную по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г. Согласно этой таблице во всем Кашкадарьинском округе в то время проживало всего 7947 лиц, назвавшихся арабами [Винников: 1940: 10]. В кишлаке Джейнау — 1009 чел. [Там же: 13]. Общее же число арабов в Узбекской ССР достигало 27 977 чел. [Бурыкина, Измайлова 1930: 527].

В мае 2007 г. в сельсовете кишлака Джейнау имелись сведения, что, по данным на 1 января 2007 г., население кишлака насчитывает 19 000 чел., из которых 10 814 идентифицируют себя как арабы. Безусловно, такое большое (при прогнозирувавшемся уменьшении, а то и исчезновении, т.е. полной ассимиляции) — десятикратное — увеличение численности можно отнести за счет улучшения качества медицинского обслуживания, увеличения продолжительности жизни и уменьшения детской смертности. Но, возможно, здесь сыграло свою роль одно из условий, сформулированное Кушнером как необходимое для правильного ответа на вопрос о национальной принадлежности, а именно «возможность открыто и свободно высказывать свое убеждение относительно своей национальной принадлежности» [Кушнер 1949: 3]. Во время национально-государственного размежевания, происходившего в 20–30-е годы XX в., когда возникли среднеазиатские республики СССР и была произведена перепись населения (1926 г.), этнический состав учитывался далеко не всегда. В.А. Тишков приводит воспоминание Е.М. Пещеревой, участвовавшей в вышеназванной переписи: «Я сама родила множество узбеков» [Тишков 1997: 46]. Новое правительство постаралось разделить население на узбеков и таджиков по признакам не национальным, а территориальным и экономическим.

На начальном этапе в нашем опросе приняли участие всего 18 чел. в возрасте от 16 до 77 лет, треть из которых — женщины. Одна из проблем заключалась в том, что женщины далеко не всегда соглашались давать ответы на вопросы, предлагая обратиться к своим мужьям: «Они лучше знают!» Тем не менее даже полученный репрезентативный минимум ответов уже позволяет наметить основные тенденции мнений населения о состоянии собственной этнической культуры. В данной статье мы попытаемся привести анализ полученных материалов и наметить дальнейшие шаги в исследовании национального самосознания рассматриваемой этнической группы.

Сбор материалов проводился как путем интервьюирования информантов, что позволяло более точно объяснить содержание вопросов, так и путем раздачи анкет для самостоятельного ознакомления и заполнения.

Вопросы анкеты разделены на тематические блоки. Первый блок посвящен традиционным занятиям и ремеслам, сохранению в памяти населения представлений о «производственном быте» предшествующих поколений.

Скотоводческий опыт предков удачным назвали 89 % опрошенных, говоря, что это традиционное занятие арабов. Домашних животных (овец, коз, домашнюю птицу, ишаков) держат практически все жители кишлака. Ишаки — одно из главных средств передвижения местного населения. Практически все опрошенные хотели бы иметь в хозяйстве и лошадей, но не все могут себе этого позволить. О верблюдах, традиционных для арабов Аравийского полуострова, никто даже не вспомнил.

Земледельческий опыт предков большинство опрошенных (78 %) оценили как вполне удачный, тем не менее 11 % отзывались о нем как о совершенно неудачном, объяснив такой ответ отсутствием современного подхода к земледелию. Все отметили, что только с появлением механизации и новых сортов хлопка (т.е. в первой трети XX в.) земледелие в регионе получило сильный толчок к развитию. При этом информанты указали, что в селении до настоящего времени используются сельскохозяйственные орудия старого типа: кетмень, лопата (*бил-курак* — узб.) и серп. Причем кетмень используется не только в личных подсобных хозяйствах, но и на больших хлопковых полях фермеров (а до распада СССР — на колхозных и совхозных полях). В селении до сих пор имеются мастера (например, кузнецы), занимающиеся производством этих орудий и снабжающие ими жителей кишлака.

Предки и родственники большинства опрошенных (78 %) занимались в прошлом какими-либо ремеслами — кузнечным и плотничным делом, были мельниками, ткачами, гончарами. Сами же опрашиваемые, отвечая на вопрос «Сумеете ли вы своими руками сделать домашнюю мебель, посуду, одежду и т.п.?», проявили большую осторожность — треть на вопрос ответила отрицательно, 16 % могут сделать домашнюю мебель, 11 % — посуду. При этом все опрошенные женщины могут изготовить своими руками одежду для семьи, ковры и большинство текстильных предметов домашнего обихода и интерьера: одеяла, небольшие матрасы *курпача*, занавески и т.д. Исходя из этого, можно сказать, что традиционные ремесла и домашние промыслы практически полностью сохранены и продолжают сохраняться женской частью общества.

90 % ответивших на вопросы анкеты заявили, что женщинам стоит и дальше заниматься домашними промыслами, т.е. мужчины предоставили женщинам право и возможность сохранения домашних промыслов и традиционных ремесел. При этом больше половины опрошенных хотели бы иметь ту же профессию или заниматься тем же делом, что и их отец / мать (66 %), дед / бабка (55 %). У большинства моих информантов ближайшие предки занимались хлопководством и разведением овец, т.е. тем, чем сейчас занимается подавляющее большинство жителей Джейнау, зачастую получив среднее специальное или высшее образование. В кишлаке в сфере торговли, обслуживания и образования заняты немногие жители, зато все имеют подсобные хозяйства, где занимаются выращиванием пшеницы, огородных и фруктовых культур и некоторого числа овец. Большинство семей живут натуральным хозяйством. Таким образом, традиционное для арабов скотоводство и ставшее к настоящему времени традиционным земледелие процветают.

Все респонденты согласились с определением места, где находится их кишлак, как «красивое, урожайное, спокойное и удобное для жилья». При этом многие добавили, что было бы лучше, если бы воды было больше (вода для полива фермерских полей и подсобных хозяйств поступает через систему оросительных каналов и арыков из Кашка-Дарьи, а для хозяйственных нужд воду цистернами привозят из Аму-Дарьи). Однако, несмотря на нехватку воды, 50 % опрошенных ответили, что другие селения хуже, и только 16 % считают, что они лучше.

В кишлаке большая часть населения живет в традиционных усадьбах закрытого типа, построенных из саманных кирпичей или из обычных кирпичей фабричного производства и обнесенных высокими дувалами. Подавляющее большинство опрошенных удовлетворены своим домом и усадьбой, а вот при ответе на вопрос «Хотели бы вы иметь такой же дом, как у ваших родителей?» мнения респондентов разошлись. Вероятно, это связано в первую очередь с материальными возможностями семей. Не отрицая тот факт, что родительский дом, безусловно, уютный, привычный и родной, люди с удовольствием воспринимают появление в домах водопроводов, ванных комнат (которые называют *баня*), телевизоров и других показателей современного комфорта. Все опрошенные с удовольствием пользуются покупной мебелью, но 38 % ответили, что имеет смысл и самим делать предметы домашнего обихода и мебели. Причем мотивируют такой ответ не только дешевизной, но и возможностью самостоятельно подобрать материал, «полезный для человека», и сделать предметы в национальном стиле.

Интересно, что при разговоре о национальном облике жилища опрашиваемые всегда подразумевали только внутреннее убранство дома, по-видимому, даже не допуская мысли, что может измениться внешний вид дома и усадьбы в целом. Подавляющее большинство отметили, что придать национальный облик жилищу можно, но при этом не все считают это необходимым. По мнению респондентов, придавать жилищу национальный облик следует прежде всего с помощью предметов текстиля (ковров, вышивок *сюзани*, *курпача*), национальной одежды, старинных предметов, бережно сохраняемых в домах как реликвии, оставшиеся от предков, причем на первое место практически все поставили ковры — *джихизи-гилямы*, — выполненные в технике, в настоящее время уже утерянной местными мастерицами по причине большой сложности.

К предметам традиционного быта, претендующим на статус «национальных», люди относят медные кувшины для воды и медную посуду, соху *амоч*, большие деревянные кровати *тахта* и низенькие столики для чаепитий *хон-тахта*, мешки для приготовления кефира *чакка-халта*, старинные экземпляры Корана, предметы одежды и украшения.

Традиционных украшений в селении осталось уже очень мало — скорее всего, не более десятка комплектов на квартал (*махалля*). Женщины с гордостью и удовольствием, собравшись вместе, демонстрируют их, но продавать уже не соглашаются. «Что Вы! Это от бабушки осталось!». Иногда старшая хозяйка, имеющая у себя *синсиля* (налобное украшение), передает его на хранение молодой невестке, которая вешает его на стенной ковер. В редких случаях свекровь может надеть на невестку старинное украшение в день свадьбы.

Как справедливо замечает Ю.В. Бромлей, «как правило, именно семья в большинстве обществ выступает в качестве важнейшего канала передачи традиционной культурной информации (как и овеществленных результатов ее реализации в прошлом)» [Бромлей 1983: 206]. Зримое подтверждение этому тезису мы встречали во многих домах арабов, где хранятся бабушкины и прабабушкины украшения, рубахи, которые бабушка надевала всего два раза в жизни (первый раз — в день свадьбы, второй — на какой-либо праздник, значимый в ее жизни, рубаха никогда не стиралась), дедушкин Коран, старинные монеты *пошойи теньге* и тому подобные предметы.

Безусловным этническим маркером являются женские носовые кольца *арабек*, *халка мухаммади*, носимые пожилыми женщинами в носовой перегородке. Согласно мнению местных жительниц, именно *арабек* отличает их от представительниц других народов и народностей Средней Азии. Кольцо по форме напоминает лук и украшено бусинами. Самая

большая зеленая или синяя бусина называется *латва таиш* («предохраняющий камень»), что поясняет традиционное охранительное назначение кольца. В настоящее время пожилые арабки Джейнау носят только серебряные носовые кольца. Однако в 1944 г. проф. И.Н. Винниковым было зафиксировано ношение сразу двух носовых украшений, причем изготовленных из золота. Одно, как уже отмечалось выше, продевалось через носовую перегородку, второе вставлялось в правое крыло носа [Винников 1944: 3].

Интересно, что у арабов Аравийского полуострова носовые кольца встречаются далеко не всегда. В капитальном труде «Народы мира» носовые кольца, «иногда доходящие до подбородка», упоминаются лишь у арабов Ирака [Данциг 1957: 527]. Здесь, по-видимому, важен тот факт, что, как пишет Ю.В. Бромлей, «многие свойства той или иной группы людей, не играющие в условиях ее обычного этнического окружения роли отличительных признаков, после перемещения этой группы в новую этническую среду сразу же начинают выполнять этнодифференцирующую функцию» [Бромлей 1983: 189].

Вопросы, направленные на выявление роли национальной одежды, показали, что этническая специфика в этой категории культуры у арабов Джейнау сохраняется относительно стабильно. У мужской части общества основная смысловая этническая нагрузка падает на праздничный костюм — золотошвейные халаты и тюбетейки (*калануш* 'и). В обычные дни большая часть мужского населения носит европейский костюм, дополняя его тюбетейкой. Женский же повседневный костюм состоит из платья на кокетке (женщины называют его «узбекским»), обязательных штанов *иштон* и головного платка. Причем крой платья и штанов близок к тому, который существовал столетие назад. В праздники женщины надевают более нарядные (часто атласные) платья и платки, золотошвейные халаты. Большая часть пожилых женщин носит белые капюшоноподобные головные уборы *гиззи* или белые платки, повязанные особым образом.

70 % опрошенных изъявили желание носить праздничный традиционный костюм (что большинство и делает), и 90 % считают, что национальный костюм обязательно должны постоянно носить старики и пожилые люди. («Старики должны сохранить и передать традиционный костюм следующим поколениям».) Пожилые женщины, как уже отмечалось выше, именно так и поступают, резко выделяясь своим нарядом на фоне представительниц других национальностей. Особенно сильно это было заметно при посещении святого места — гробницы Мир Хайдара, по преданию, зятя Тимура. Мавзолей расположен приблизительно

Рис. 1. Арабские женщины Джейнау на территории, прилегающей к гробнице Мир Хайдара. 2007 г. Фото автора

в 30–40 км от Джейнау и является традиционным местом поклонения местных мусульман. Во время посещения автором этой святыни там находились несколько пожилых женщин в нарядных халатах, гиззи и с носовыми украшениями, что позволило безошибочно идентифицировать их как арабок и жительниц Джейнау (рис. 1).

Ответы на вопросы о национальной кухне показали приверженность населения среднеазиатской кухне и умение даже мужчин готовить основные блюда. Предпочтение национальной кухни мотивировали тем, что она полезнее (77 %), вкуснее (82 %) и привычнее (71 %). Основными блюдами были названы плов и шурпа. Блюда, которые опрашиваемые считают исконно арабскими, не так уж много. Это *варахэ* (*варакэ*) — пирожок с мясом, поджаренный в масле в казане, *ярма* — суп-пюре из пшеницы с мясом, *барак* — пельмени. Необходимо отметить, что, хотя люди при опросе утверждали, что это арабские блюда и арабские слова, на самом деле *варахэ* (*варакэ*) и *барак* — это фонетические варианты одного и того же тюркского слова «бораки» со значением «тестяное изделие с мясной начинкой», а *ярма* — тюркское слово, означающее «зерно».

Большой блок вопросов анкеты посвящен значению «национального праздника» и «национального обычая». К традиционным праздникам все опрошенные отнесли праздники мусульманского календаря (в частности *Курбан-байрам* или *Хайид-байрам*) и встречу Нового года — Нарвруз. Все эти праздники, естественно, широко отмечаются в кишлаке не только арабским населением.

Праздники же семейного жизненного цикла респонденты отнесли к народным обычаям. В их число в первую очередь вошла свадьба. Известно, что традиционное празднование свадьбы довольно длительно и красиво. Многие молодые девушки сейчас мечтают о проведении свадьбы именно по старинному традиционному обычаю, но, как правило, в настоящее время имеют место «комбинированные», европеизированные свадьбы, где арабские традиции причудливо переплетаются с европейскими. В первую очередь это выражается в одежде. Как правило, во время регистрации брака невеста одета в традиционное платье или халат (*чапон*), а во время застолья она в европейском наряде. То же самое касается и одежды жениха: как свадебные позиционируются также золотошвейный халат и тюбетейка (калапуш).

Среди других семейных праздников опрошенные единогласно назвали праздники, связанные с детьми: *суннат-той* (праздник по поводу проведения обряда обрезания) и *бешик-той* (укладывание новорожденного в колыбель). У арабов Джейнау колыбель *бешик* положено покупать и приносить в дом бабушке со стороны матери. Укладывает ребенка в колыбель пожилая женщина, причем чем старше она — тем лучше, значит, новорожденный будет жить долго.

К народным обычаям опрошенные отнесли уважение и практически безоговорочное подчинение младших старшим, скромность женщин, крепкие большие семьи, дружеские отношения с соседями, гостеприимство и уважение к людям «независимо от нации и народности». При этом большинство (77 %) считают, что раньше отношения между старшими и младшими членами семьи и односельчанами были лучше и было бы хорошо сохранить эти обычаи.

В целом на сегодняшний день в семьях сохраняется следование традиционным правилам этикета и в сфере гостеприимства, и в сфере отношений между старшим и младшим поколениями. Это проявляется и в повседневной жизни, и при принятии жизненно важных решений. Так, в большинстве случаев до настоящего времени жену сыну выбирают родители, т.е. мать выбирает себе помощницу. И если молодой человек, познакомившись с невестой, может отказаться от женитьбы, если она ему не понравилась, то у девушки шансов избежать замужества

практически нет. Правда, справедливости ради следует отметить, что в последнее время участились браки между молодыми людьми, познакомившимися во время учебы в техникуме или институте. Но в любом случае брак заключается только с одобрения родителей. Также в кишлаке до настоящего времени сохраняется тенденция выдавать дочерей из арабских семей замуж только за арабов. Женить же сына на арабке не обязательно — невеста может быть и таджичкой, и узбечкой.

При ответах на вопросы, касающиеся возможности и необходимости возрождения национальных традиций (т.е. требующих осознанной позиции), мнения анкетированных разошлись: 11 % ответили, что национальные традиции возродить невозможно и не нужно, но большая часть опрошенных ответила, что возрождение «возможно отчасти» и «нужно отчасти». В этом плане интересным и неожиданным оказался ответ главы местной арабской общины. Он ответил, что возрождение национальных традиций не нужно — «сохранить бы то, что осталось».

Наибольшее затруднение вызвал вопрос о жизненных ценностях. Как правило, респонденты довольно долго обдумывали свои ответы. В результате большая часть опрошенных в первую тройку включила «здоровье», «уважение в обществе» и «крепкую семью». «Богатство и достаток», «независимость» и «удовольствие от жизни» в большинстве случаев замыкали список. Положение остальных позиций в таблице варьируется в зависимости от возраста, пола, статуса и образования опрошиваемого (в список жизненных ценностей были включены здоровье, уважение в обществе, крепкая семья, богатство и достаток, независимость, интересная работа, знание и образование, жизнь по совести, спасение души, жизнь со своим народом, удовольствие от жизни, сохранение обычаев и традиций своего народа).

На вопрос «Считаете ли вы, что для того, чтобы быть арабом, надо быть мусульманином?» 71 % опрошенных ответили положительно, 14 % затруднились с ответом и 17 % — отрицательно. Последние в качестве подтверждения своих ответов привели в пример коптов-христиан и русских, принявших мусульманство.

Интересно, что знание арабского языка практически ни разу не отмечалось как этнический маркер. Уже упоминавшийся выше Нейдель замечал, что «язык не может предоставить безошибочный критерий племенной принадлежности <...> — некто либо является членом племени, либо нет» [Александренков 1996: 21], и здесь мы видим яркое этому подтверждение. Пожилые люди, говорящие по-арабски, конечно, высказывали опасения за судьбу языка, но при этом ни один из них не собирался учить языку своих детей и внуков.

Подводя итог, можно сказать, что национальное самосознание арабов, проживающих на территории Узбекистана, опирается на достаточно устойчивую и обширную материальную и духовную базу и на сегодняшний день еще может противостоять «европеизации» и урбанизации. Сохранение в народной среде памяти о традиционном жизненном укладе предков является неким стабилизирующим фактором в быстро меняющейся окружающей этносоциальной среде. Впрочем, одной из причин такой относительной стабильности, возможно, является географическое положение кишлака (он достаточно удален (по меркам Узбекистана) от столицы — Ташкента и таких крупных городов, как Бухара и Самарканд).

Здесь же необходимо отметить, что представители окружающих этнических групп также отличают арабов от себя, признают их право на «особость» и иногда с гордостью называют их: «Наши арабы!». Вероятно, историческая память местного населения сохранила представление о том, что они пришли издалека, являются первыми последователями, а то и родственниками Мухаммеда. В 1925 г. М.С. Андреев отмечает «исключительное положение арабов как соплеменников Пророка, которое должно было окружать их в глазах прочего туземного населения некоторым ореолом превосходства, и арабы в прошлом, видимо, очень держались за свои преимущества в этом отношении и при случае не прочь были их подчеркнуть» [Андреев 1925: 129]. Во время нашего пребывания в Джейнау в 2007 г. нам пару раз довелось слышать несколько пренебрежительное слово «националы», которым отдельные представители арабского населения называют узбеков и таджиков (конечно, за глаза). В целом же никаких конфликтов на национальной почве в кишлаке не зафиксировано.

В представленной статье были приведены данные опроса арабов только одного кишлака. В дальнейшем хотелось бы продолжить работу и провести аналогичные опросы в арабских селениях Самаркандской и Бухарской областей и, может быть, Таджикистана (на территории которого также проживают потомки арабов-завоевателей) для получения более полных данных и сравнительного анализа.

Библиография:

Александренков Э.Г. «Этническое самосознание» или «этническая идентичность»? // ЭО. 1996. № 3. С. 13–22.

Андреев М.С. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г. Ташкент, 1925.

Баранов Д.А., Дмитриев В.А., Попова Л.Ф., Стасевич И.В., Чистякова Ж.К. Предварительные итоги работы по опроснику «Самооценка этносом перспективности форм

традиционной культуры» // Изучение национального самосознания в этнографическом музее. СПб., 1998. С. 18–42.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.

Бурыкина Н.Н., Измайлова М.М. Некоторые данные по языку арабов кишлака Джугары Бухарского округа и кишлака Джейнау Кашка-Дарьинского округа Узбекской ССР // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л., 1930. С. 527–538.

Винников И.Н. Арабы в СССР // СЭ. 1940. IV. С. 3–22.

Винников И.Н. Арабы кишлака Джейнау. Ташкент. 1944 // СПФА РАН. Ф. 1045, оп. 1, ед. хр. 105.

Данциг Б.М. Арабы Ирака // Сер. Народы мира. Т.: Народы Передней Азии. М., 1957. С. 506–536.

Джарылгасинова Р.Ш. Теория этнического самосознания в советской этнографической науке (основные аспекты проблемы) // СЭ. 1987. № 4. С. 9–22.

Дробизева Л.М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // СЭ. 1985. № 5. С. 3–16.

Козлов В.И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // СЭ. 1974. № 2. С. 79–92.

Кондауров А.Н. Полевой дневник // ПФА РАН. 1932. Ф. 1045, оп. 4, ед. хр. 24.

Кушнер П.И. (Кнышев). Национальное самосознание как этнический определитель // КСИЭ. М.; Л., 1949. VIII. С. 3–9.

Кушнер П.И. Этнические теории и этнические границы. М., 1951.

Прицепова В.А. Коллекции заговорили. СПб., 2000.

Резван Е.А. Коран Усмана. СПб., 2004.

Семенов А.А. К проблеме национального размежевания Средней Азии. Ташкент, 1924.

Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.

Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопр. филос. 1964. № 11.

Широкогоров С.М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923.